

венников поэта, побывавших или даже обитавших в тех же краях (с некоторыми Николай Степанович встречался, был хорошо знаком, иных упомянул в стихах), то на этом фоне гумилевский вклад в изучение Африки обретает свой истинный масштаб — скромный, но вполне достойный, особенно если вспомнить, что исследователю в ту пору было всего двадцать семь лет.

Без ретуши

Завидной объективностью подкупает книга и тогда, когда автор выходит за пределы собственной «узкой» специальности, африканистики, и размышляет о своем герое как писателе и человеке.

Оспаривая излишне придирчивые, на его взгляд, суждения о поэте историка Н. И. Ульянова, он тем не менее с явным сочувствием приводит слова последнего: «У известной части эмиграции есть своя политграмма, не менее плоская и не менее пошлая, чем политграмма советская, только с другим знаком. Есть и свой «социальный заказ». Не этим ли объяснить постепенное оболванивание имени поэта грязноватой оболочкой дешевого политиканства? Он — и великий патриот, и рыцарь монархии, и чуть ли не столп православия и певец подлинной России, не в пример большевизанствующему Блоку. И все потому, что кончил дни в чекистском застенке — факт, по-видимому, глубоко посторонний его биографии и особенно его поэзии».

Да и сам А. Давидсон не раз вступает в спор с этой, ныне «импортированной» к нам схемой. Один из гумилевских учеников, Николай Оцуп писал впоследствии: «Не сочувствуя революции, он черпал в ее стихии бодрость, как если бы страшная буря застала его на корабле, опьяняя опасностью и свежими солеными брызгами волн». Это могло бы показаться только красивой фразой, если бы вся тогдашняя деятельность Гумилева не подтверждала сказанное. Он — активнейший участник затеянного Горьким издательства «Всемирная литература», плодовитый переводчик, председатель Союза поэтов, лектор, преподаватель в литературных студиях Пролеткульта, Балтфлота. Что это — только ради денег и «пайков»?!

«...В наше трудное и страшное время», — отвечал он сам на обвинения в «сотрудничестве с большевиками», — спасение духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал прежде. Не по вине издательства эта работа его сотрудников протекает в условиях, которые трудно и представить себе нашим зарубежным товарищам. Мимо нее можно пройти в молчании, но гикать и улюлюкать над ней могут только люди, не сознающие, что они делают, или не уважающие себя».

«У него появились возможности, которых не было прежде, — пишет автор книги, — и он старался их использовать. И именно в те годы достиг наибольшего за всю свою жизнь признания, почета».

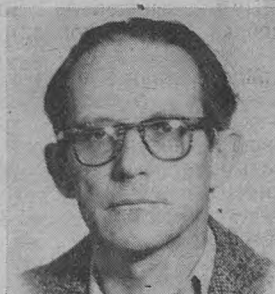
«Впечатлений масса. Хватит на две книги стихов, — писал он ранее из Африки. — Если меня не съедят...» Увы, «съели» его отнюдь не «дикие и воинственные племена» под «чужим небом». На смену растущей славе пришло забвение, многолетнее подпольное существование его стихов на родине, официальная репутация «твердолобого империалиста» и — вроде бы в противовес ей, а на самом деле едва ли не в поддержку и не в оправдание расправе с поэтом! — «возвышенная легенда о пламенном контрреволюционере-заговорщике».

А он был «всего-навсего» поэт, о котором даже его «зоил» (все тот же Н. И. Ульянов) замечательно и весьма злободневно сказал:

«Кто писал такие стихи, какие писал Гумилев, того развенчать невозможно, и тот не нуждается ни в ретуши, ни в подмалевках».

Андрей ТУРКОВ.

ЗАБЫТЫЙ ДРУГ?

БЫТЬ МОЖЕТ, читатель, обойдемся без модных ныне презентаций? Ведь речь пойдет о нашей старой знакомой, к которой мы, увы, сейчас далеко не всегда внимательны, отвлекаемые гулом событий, тревожным шорохом газетных листов и, как магнитом, притягиваемые к голубым экранам или видекам. Между тем скромный молчаливый книжный томик по-прежнему ожидает нас, хотя именно он не просто источник разнообразных знаний, но краеугольный камень культуры. Недаром родиной своей души называл русскую литературу Короленко, а умиравший Пушкин обращался к книжным полкам со словами: «Прощайте, друзья».

Среди многочисленных нынешних публикаций о еще недавно пребывавших в опале и забвении именах и судьбах книга Аполлона Давидсона «Муза странствий Николая Гумилева» («Наука», издательская фирма «Восточная литература») выделяется не только тем, что речь в ней в первую голову идет о путешествиях поэта в Африку.

Слов нет, эта тема исследована автором едва ли не исчерпывающе. Вместо традиционных восторженно-туманных упоминаний о некоей гумилевской «одиссее» возникает скрупулезно прослеженная история давнего стремления юноши к иному, незнакомому миру, первых попыток туда добраться и, наконец, «благословленной» самой Российской Академией наук экспедиции в Абиссинию.

Отнюдь не лишенный склонности к браваде и эффектной позе, Гумилев охотно повествовал в стихах и прозе о своих охотничьих удачах и трофеях («седых на деревьях стрелял обезьян» и т. п.), но разве что в дневниках и деловых отчетах сообщал о собранном им драгоценном этнографическом материале. Автор книги с сожалением замечает, что «привезенные Гумилевым коллекции и само его путешествие привлекли в Петербурге меньше внимания, чем они заслуживали» (здесь сыграла роль и разразившаяся несколько месяцев спустя мировая война).

При этом Аполлон Давидсон с добродушной иронией отзывается о современных попытках натушно возвеличить значение гумилевских путешествий, якобы проходивших в «наименее изученной части страны» да еще в «области диких и воинственных племен». Когда он щедро вводит в свое повествование целый ряд соотечест-